

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

1 мая 1891 года

Пётр Кропоткин

Пётр Кропоткин
1 мая 1891 года
24 октября - 7 ноября 1890

La Révolte, год 4-й, №6-8

ru.anarchistlibraries.net

24 октября - 7 ноября 1890

В таких условиях у вас не будет войск за вас, но (по крайней мере в Англии, Бельгии, Испании) они не будут и против вас.

Революционный период будет таким образом открыт – не созывом Генеральных штатов, не буланжистско-орлеанистско-ферристским вопросом, а вопросом труда.

Ход событий продиктует ваше дальнейшее поведение».

Вот что мы можем сделать в этом движении, для начала. Остальное можно придумать позже и будет зависеть от того, что мы сделали ранее, до 1 мая 1891 года.

Вот, во всяком случае, *одно* предложение, или, если оно не годится, поищем другое. Но, ради Бога, не будем ждать, пока революция свалится на нас сама, как манна небесная.

Нам кажется, что уже было бы хорошим делом внести в движение все те идеи об отношениях промышленности, которые мы только что вкратце обрисовали.

Но если, несмотря ни на что, рабочие не поддадутся нашим рассуждениям и ответят нам: – «Хорошо, но давайте все организуемся, в больших и малых профессиях, и мы уже на хорошем пути к объединению *всех* рабочих страны¹. И когда мы станем достаточно сильны, добъёмся восьми часов для всех».

И вот, если они ответят нам это, нам остаётся сказать им только одно. – «Если вы так сильны, вам не нужен парламент, чтобы уладить это дело. Вам достаточно объявить промышленникам ваше решение не работать больше восьми часов. Парламент ничего не сделает. В Англии он уже предлагает расследование, которое продлится два года. Парламент не может принять меру, которая перевернёт всю промышленность. Он захочет тянуть время, а тем временем ваши союзы разрушат коррупцией.

Ну что ж, если вы решительно хотите восьми часов, вам достаточно их *взять*. До 1 мая вы можете объединить основные профессии. Вожак скажут вам ждать. Идите мимо них. Договоритесь вне их. И когда 1 мая вас будет два или три миллиона на улицах больших городов, примите такое решение:

«Завтра все, сколько нас есть, уходим с работы в четыре часа дня – и всё».

Сделайте это. Это будет, несомненно, всеобщая забастовка для хозяев, всеобщее закрытие мастерских, всеобщая остановка промышленности.

¹ Это уже сделано для доброй пятой части английских рабочих, поскольку полтора миллиона объединены, а всего, если всё сосчитать, в английской промышленности работает руками не более семи миллионов. (прим. авт.)

Оглавление

I	5
II	13
III	20

Прошлой зимой мы собрались в анархистской секции одного большого английского города. Английский рабочий рассказывал историю секции перед аудиторией примерно в полсотни товарищей, мужчин и женщин, приблизительно в таких словах: «Вы знаете, – говорил он, – что два года назад мы все были социал-демократами. Началась забастовка лондонских портных. Группа портных из Уайт-чепела прислала нам делегата, чтобы убедить здешних портных не брать заказы, идущие из Лондона.

Делегат был анархистом. Он остался среди нас на несколько месяцев, работая портным. В течение трёх месяцев он обращал каждого из нас в анархию. Никогда он от этого не уставал. Каждый день, каждый свободный вечер он развивал перед нами свои идеи. И вот теперь мы все анархисты. Молодые, которые вступают, – анархисты. В профсоюзе портных немало анархистов. И что меня особенно поражает, товарищи, – это то, что когда мы прежде говорили по воскресеньям на улице проходим и говорили о парламенте, дисциплине и так далее, нам аплодировали. Теперь мы говорим на улице об анархии, социальной революции – и нам аплодируют ещё больше! А говорили, что народ ничего не понимает! Ах, если бы у нас было побольше таких людей, как наш друг!» Он назвал делегата.

Своими разговорами за три месяца наш друг сделал больше анархистской пропаганды, чем мы сделали за три года газетой.

— — — — —

«Но все эти организации создаются только для сокращения рабочего времени. – Что можем мы там сделать?» – спрашивают, может быть, друзья.

чей инициативы, бунта против власти, – подготовительная работа делается людьми, которые сами разделяют все предрассудки масс насчёт власти, парламента, реформ и всего прочего, – нарождающиеся группы питаются этими предрассудками с самого своего появления.

Не потому, чтобы они были неспособны понять другое. Но потому, что им никогда никто не говорил другого. Едва ли один из ста слышал об анархии из газеты, которая главным образом выхватила самые эффектные фразы оратора, – фразы, которые в ушах рабочего, никогда не слышавшего об этих вещах, звучат как слова бессвязного сна.

— — — — —

Социалист вообще, а анархист особенно, слишком легко забывают, что они не были анархистами с материнской груди. Они слишком забывают, чем были до того, как стали анархистами, забывают, как ими стали. Они забывают предрассудки, которыми сами были пропитаны, и борьбу, которую им пришлось выдержать, чтобы от них избавиться.

И вместо того чтобы брать каждого из этих организаторов по одному, вместо того чтобы убеждать каждого из них, как делал Фанелли в Испании и Бакунин повсюду, долгими последовательными обсуждениями, возобновляемыми каждый день в течение недель, – он тут же, жалуясь на его глупость, отворачивается от новичка, когда он делает большие глаза, услышав, что кража разрушит право собственности и что нескольких зарядов динамита (которые даже дверь не взорвут) достаточно, чтобы совершить социальную революцию.

— — — — —

I

La Révolte, год 4-й, №6, 24 октября 1890.

Наша статья «*Allez-vous en!*»¹ («Убирайтесь вон!») вызвала несколько замечаний со стороны товарищей и друзей. «Полезно ли нам, – спрашивают они, – активно вмешиваться в стачечное движение, которое происходит в данный момент? Нет ли здесь опасности, которую нужно предвидеть? Не рискуем ли мы запутать идеи революционных рабочих, заставив их поверить, что мы одобряем эти панацеи восьмичасового рабочего дня, проповедуемые усыпителями?» – Вот что волнует по всей Европе искренних анархистов.

Мы продолжаем в передовой статье этого номера и продолжим в следующем номере обсуждать этот вопрос. Мы лишь напомним нашим товарищам из Женевы, что товарищи из Вьенна (Изер) не столько рассуждали о том, было ли прошлогоднее первомайское выступление наступательным или оборонительным. Они действовали – и только. И именно для них мы продолжаем серию статей, которую начали, излагая факты. Мы изложим наши идеи, а обсуждение в группах решит, что нужно делать.

— — — — —

Вопрос, который в данный момент волнует очень большое число французских, английских, немецких, итальянских, испанских и австрийских анархистов, таков:

¹ La Révolte год 4-й, №5, 10 октября 1890.

Через несколько месяцев – 1 мая 1891 года, если не произойдут непредвиденные обстоятельства, которые могли бы изменить ход событий, – несколько миллионов рабочих окажутся на улице во всех крупных промышленных центрах – против воли и вопреки противодействию всех политических вожakov: радикалов, социалистов и прочих.

Что можем мы сделать в этих обстоятельствах, чтобы помочь торжеству наших идей? Что будем мы делать до 1 мая и в сам день 1 мая? Семь месяцев пройдут быстро; не слишком рано думать об этом уже сегодня.

Мы попытались выяснить в статье *«Убирайтесь вон!»*, каков, по нашему мнению, дух рабочих масс в настоящий момент. И мы полагаем, что те, кто находится в ежедневном контакте с массами, найдут нашу картину точной. Возможно, некоторые товарищи сочли бы более «революционным» сказать им, что массы полностью анархистские. Это было бы ложью; они таковыми не являются. Однако, что бы ни говорили те, кто слишком занят политикой и очень мало – рабочими массами, – дух масс более революционен, чем обычно думают. Они теряют терпение, и у них есть смутные анархистские стремления, что составляет наш смысл существования и что станет их силой, как только начнётся революционный период. На данный момент можно сказать следующее:

Огромная масса рабочих, которая выйдет на улицу 1 мая, будет просто стремиться утвердить своё право не работать, когда ей заблагорассудится; она будет стремиться почувствовать свободу действий; внушить страх буржуазии.

Но среди этих миллионов в каждом крупном рабочем центре найдутся десятки тысяч, которые будут стремиться сделать больше, чем простое выступление. Одни теряют терпение от того, что Революция всё не приходит. Другие – и их очень много – захотят всеобщей забастовки, которая

К счастью, великое социалистическое движение породило не только эту новую аристократию, которая однажды сумеет погибнуть в дыму уличных боёв, совсем как те аристократы с римского Корсо, что шли умирать в жёлтых перчатках на штурм четырёхугольника ломбардских крепостей, но которая презирает народ за его суеверия, его наивные представления, его неспособность понять науку.

Наряду с движением за восьмичасовой день в привилегированных профессиях и теоретическим движением социализма целая армия добровольцев трудится над организацией мелких промыслов мелкой промышленности, тяжёлых промыслов подёнщиков, рабочих, женщин и детей, больших и малых фабрик.

Их тысячи – этих неизвестных добровольцев, по крайней мере в Англии, – которые делают грубую подготовительную работу. И если их спросить, почему они делают эту работу, они отвечают: «Знаете, я пока не разбираюсь в ваших социалистических теориях. Но я возмущаюсь, видя, как рабочих так эксплуатируют. Я помогаю им объединяться, чтобы бороться. Если они сумеют понять, что их интересы солидарны между рабочими одной фабрики и что у них общий враг – эксплуататор, – это всё, на что я надеюсь. Войдя в большой союз всех возможных профессий, они почувствуют свою силу. Мои силы невелики – я делаю что могу».

И союзы возникают, и такой-то ткач, некогда презиравший спичечника, начинает относиться к нему с уважением, и все чувствуют, что есть класс, класс обездоленных, чьи интересы противоположны интересам всех богатых.

Так подготавливаются все революции.

Только вместо того, чтобы с самого начала сеять в нарождающихся группах идеи социальной революции, рабо-

поезд *blacklegs* (*штрейкбрехеров*), нанятых в провинции, и перебить их всех.

И в этой борьбе между нарождающимся четвёртым словом и пятым, – борьбе, происходящей каждый день, – мы слышали лишь один голос, единственный, – голос наших братьев-анархистов Австралии, чтобы защитить дело безработных.

— «Вы победили в забастовке, – говорили они в своём манифесте, о котором мы упоминали две недели назад, – безработные, хотя и погибая с голоду, поддерживали вас; они не пришли вас заменить. И что же? – Вы возвращаетесь на работу, вы добились лучших условий. А они? – Без работы и без хлеба до забастовки, без работы и без хлеба после вашей победы! Не требуете ли вы от них слишком много героизма – так страдать без *всякой* надежды на улучшение их участи?»

И вот, путём изучения, жертв, лишений, мы, анархисты, дошли до понимания этих сложных отношений современной промышленности, до того, чтобы очистить их от лжи, накопленной нашими хозяевами.

Было ли это для того, чтобы сохранить это знание для себя? Чтобы оживлять наши собрания? Чтобы привносить туда остроту научных дискуссий? Было ли это для того, чтобы делать как делают столько буржуа – не все, к счастью, – которые хранят своё знание для своих научных собраний, своих газет, своих книг, никогда не неся его тем, кто больше всего в нём нуждается? Было ли это для того, чтобы стать буржуа в свою очередь, что мы прикрылись этим великим словом – анархия, которое означает прежде всего: быть с народом, жить с народом, работать с народом?

очень популярна в Англии, Бельгии и Германии; и они будут готовы бастовать в отраслях, питающих всю промышленность (шахты, газ, погрузка судов), даже если забастовка будет означать уличные бои. Это видели в Саутгемптоне, во время последних забастовок в Бельгии и во многих местах в Италии и Испании в прошлое 1 мая.

Наконец, среди этих миллионов будет очень сильное меньшинство, если не большинство, которое думает примерно следующее:

«Мы слишком много работаем, мы устали откармливать хозяев. Социалисты обещали нам, что Революция положит этому конец; но она не приходит. Впрочем, в одиночку они не могут этого сделать. И потом, даже те, кто раньше говорил нам о революции, сегодня говорят о парламенте или о смене правительства. Оказавшись у власти, они скажут нам потерпеть.

Но мы достаточно натерпелись! Посмотрим, если нашими огромными союзами мы не можем положить начало делу. Если революция придёт, наши союзы уж точно не повредят ей. Они, по крайней мере, научат нас узнавать друг друга.

Мы знаем, как хозяева занимаются промышленностью: они *должны заставлять* нас работать долгие часы, чтобы продолжать обогащаться. И если мы откажемся работать больше восьми часов, вот что произойдёт: – Одни попытаются снизить нам зарплату, чего мы материально не сможем принять. Большинство попытается заменить нас безработными; но тогда, чёрт возьми, это будет война. Поступят так, как поступили в Питтсбурге, когда сожгли весь подвижной состав железных дорог Востока. Поступят так, как поступили в Бельгии. Поступят так, как собирались поступить в недавней забастовке». (Среди рабочих известно то, о чём не пишут в прессе, а именно: что в этой забастовке забастовщики собирались повторить Питтсбург, когда

хозяева поспешили уступить; народ не хвастлив в своих обещаниях; очень скромен вначале, но он действует, когда нужно).

«Наконец, мы знаем, – думают рабочие, – что многие промышленные предприятия приносят дивиденды только за счёт того, что заставляют нас работать долгие часы. Они не смогут дольше работать при восьмичасовом рабочем дне. Что ж, тем хуже для них! Мы поступим так, как говорили и повторяли во всех забастовках последнего времени. Мы овладеем ими и скажем хозяевам: „Убирайтесь вон, вы нам не нужны!“ Это всё равно будет началом».

Вот, мы уверены, суть идей, которые циркулируют в среде очень сильного меньшинства английских, бельгийских и немецких рабочих. Их идеал намного превосходит мелкие интриги вожаков. И каким бы скромным он ни был, он не так скромен, как идеал генеральных штабов авторитариев. И мы полагаем, что примерно те же идеи циркулируют во Франции, по крайней мере в некоторых профессиях. Сильное меньшинство разделяет эти идеи также в Италии и Испании.

Во всяком случае, несомненно то, что мы не будем строиться на иллюзиях, если возьмём за отправную точку, что очень сильное меньшинство, если не большинство рабочих, придерживается подобных идей.

Итак, мы утверждаем, что именно с такими идеями – ни более ясными, ни более точными, ни более передовыми – когда они становились достаточно распространёнными, *начинались* все революции. Остальное развивалось *во время* Революции, благодаря действию более передовых групп и обстоятельствам. Ибо если смена правительства иногда происходит за двадцать четыре часа, то *социальная*

В то же время с каждым улучшением число людей, находящихся занятые в крупной промышленности, уменьшается, а излишек выбрасывается в армию безработных.

Эти последние образуют резервы капиталиста; он призывает их в случае забастовки, чтобы снизить зарплату. Именно поэтому армия не занятых достигает столь огромных размеров в странах, наиболее развитых в промышленном отношении.

Доведённая до самой чёрной нищеты, эта армия ищет средств к существованию в мелких промыслах, которые возникают тысячами в больших городах. Так *sweating system (помогонная система)*, о которой столько говорили недавно, – система мелких промыслов, эксплуатируемых тучами посредников, – становится *неизбежным результатом улучшения условий для рабочих крупной промышленности*. Именно такой ценой достигается улучшение.

Мелкие промыслы, безжалостно эксплуатируемые *sweaters (помогонщиками)*, теми, кто заставляет *потеть* рабочего и работницу), являются необходимым противовесом крупной промышленности с лучшей оплатой. И другое следствие, столь же неизбежное, – это непрерывная замена мужчин женщинами и особенно девочками и мальчиками.

С другой стороны, по мере того как рабочие крупной промышленности делают движение за лучшую зарплату или более короткие часы, между ними и армией безработных вспыхивает ожесточённая борьба. Именно в этой армии хозяин вербует замену; и забастовщики, обезумевшие от лишений стачки, обрушиваются на заменяющих с поистине ужасной яростью. Если бы это были только туманки! Но в последнюю забастовку лондонских доков всерьёз шла речь о том, чтобы взорвать и пустить под откос целый

III

La Révolte, год 4-й, №8, 1-7 ноября 1890.

Таким образом, сокращение рабочего времени сводится к следующему: условия определённого числа рабочих улучшаются; это верно. Но что менее несомненно – так это то, что это улучшение покупается ценой нестабильности работы и частой безработицы для тех самых людей, чьи условия временно улучшаются, и, кроме того, каждое улучшение условий для рабочего меньшинства сопровождается увеличением огромной армии безработных рабочих и обнищанием этой армии. Часть тех, кто работал, низводится в ряды этой армии. Они будут населять предместья больших городов и там станут добычей посредников и мелких промежуточных хозяев мелкой промышленности.

Ибо, как бы это ни не нравилось марксистским теоретикам, наряду с крупной промышленностью мелкая продолжает жить во всех промышленных странах. Она держится на нищенских зарплатах. Только вместо того, чтобы оставаться в деревнях, где человек некогда имел подспорье в земледелии, она переносится в предместья больших городов, где голодный рабочий отдаётся, со связанными руками и ногами, мелким эксплуататорам.

Вся история Англии – типичной промышленной страны – сводится к следующему:

Условия рабочих в крупной промышленности улучшаются. Но их работа теряет стабильность: она совершается уже только приступами.

революция потребует времени – месяцев или лет, чтобы свершиться. И именно в это время идеи прогрессируют, особенно если революция началась с экономического вопроса.

При таком состоянии умов и известной международной политической неразберихе – что нам делать?

Ждать? Оставаться зрителями? Позволять делать другим? Ждать, пока массы станут полностью анархистскими, а до тех пор не вмешиваться ни во что или вмешиваться только в борьбу между политиками? Тогда уж лучше вообще не называться анархистами?

Ограничиться тем, что делалось в последние годы, то есть держаться в стороне и разрабатывать идеи? Мы это делали, и нам неизбежно пришлось пройти через эту фазу, чтобы разработать идею, чтобы договориться между собой о том, что мы понимаем под Анархией. Конечно, всё это время наши идеи мало-помалу проникали в массы.

Конечно, мы, несмотря ни на что, оказывали своё влияние на развитие идеи социальной революции. Но этого уже недостаточно. Исторические события не ждут отстающих. И поскольку за семь месяцев, отделяющих нас от 1 мая, будет очень значительное число рабочих собраний и очень оживлённых дискуссий между рабочими о том, что нужно делать, мы не можем сидеть сложа руки; и если мы, с другой стороны, каким бы энергичным ни было наше усилие до тех пор, не сможем обратить массы в Анархию, мы всегда можем широко распространять наши идеи, если вмешаемся в движение.

Часто говорили: «Наша роль предопределена заранее. Когда народ выйдет на улицу, нам останется лишь начать борьбу действиями». – Пусть так! Но всё же нужно, чтобы массы *нас* знали и чтобы анархисты чувствовали в себе мужество начать борьбу; а для этого нужна целая предварительная работа.

Те, кто держится таких речей, должны, по нашему мнению, не сомневаясь ни в своём мужестве, ни в мужестве своих товарищей, всё же поразмыслить над примером, который был нам дан в Чикаго 1 мая 1886 года.

Известно, что в тот день «рыцари труда» рассчитывали на всеобщую забастовку. Американские анархисты в это не верили. Они предвидели, что эта попытка жалко провалится из-за отсутствия согласия между рабочими, которое в ту эпоху было слишком очевидным. Поэтому они думали, что когда начнут убивать забастовщиков, анархисты окажутся рядом – народная армия – хорошо подготовленные к борьбе. Пользуясь возможностями, которые предоставляли в ту эпоху американские нравы, – возможностями, которых у нас в Европе нет и которых больше нет в Америке, – они вооружили отряды анархистов-добровольцев.

Результат известен. В момент, когда солдаты стреляли в народ, анархистов там не было. Не будучи сами забастовщиками, не находясь в профессиональных союзах вместе с рабочими, они не оказались на месте. И позже у них не было случая использовать свои силы.

Почему так? Однако среди них были храбрецы – те храбрецы, которые в течение восемнадцати месяцев жили в ожидании виселицы и не предали своих убеждений ни единым словом слабости, те герои, которые показали, как умирают за дело, и многие другие, которые поступили бы так же на их месте. Кто усомнился бы, что Лингт или Парсонс, Фишер или многие другие хоть на мгновение поколебались бы рискнуть жизнью в борьбе?

день спешат тогда добавить: «Совершенно верно, но именно это и побуждает нас требовать *одновременно* национализации земли. Добрая треть нации найдёт тогда чем заняться – возделыванием земли, которую отнимут у господ!»

Но национализация земли – наши читатели это знают – есть либо *слово*, которое ничего не говорит, пустая фраза, либо это революция. И когда вы доказали, что землю не отнимут у господ без революции, – те самые, кто минуту назад обсуждал законодательные меры, отвечают вам:

— «Ну что ж, если это революция – тем хуже или тем лучше, как хотите. Что мы знаем, так это то, что мы *не хотим* работать больше восьми часов. Восемь часов в день досуга – от этого мы не отступим!»

введут его, как только давление станет достаточно серьёзным. Их последний оплот – то, что сами рабочие не согласны друг с другом по этому вопросу.

Но этот факт уже показывает всю иллюзорность декламаций невежественных социалистов, которые хотят убедить рабочих, что с восьмичасовым днём массы безработных найдут чем занять свои руки. Когда эти невежды воркуют с рабочими и говорят, что там, где 80 человек работают 10 часов, придётся нанять 100 человек, работающих 8 часов, – нужно показать рабочим всю глупость этого рассуждения.

Рабочие сразу понимают, что это ложь, когда мы говорим им следующее: «Чтобы нанять 20 лишних человек, разве не нужно добавить 20 новых машин? Но тогда вместо покупки 20 машин старого типа хозяин предпочтёт купить 30 машин нового типа, которые позволят ему производить то же количество с 70 рабочими там, где было 80.

Простор для улучшений так велик, так велик на большинстве фабрик, что улучшение машин, о котором мы говорим, не представляет никакой трудности.

Восьмичасовой день означает, таким образом: – временное улучшение для 70 рабочих, оставшихся на фабрике, и 10 рабочих, выброшенных в ряды армии с опущенными руками – резервной армии, которая составляет силу капитала для снижения заработной платы тех, кто работает. Так что 70 рабочих, оставшихся на фабрике, смогут удержать свою зарплату лишь при условии непрерывных забастовок, успех которых становится с каждым днём всё труднее.

Когда мы говорим это, нас прекрасно понимают. И именно поэтому поборники движения за восьмичасовой

Но случая бороться не представилось. Слишком часто считают, что всё заключается в мужестве во время борьбы на баррикадах. Но забывают, что баррикады должны быть подготовлены длительным действием в гуще масс, которое длится иногда годами, и что *без собранного народа нет баррикад*. Забывают, что именно длительной подготовительной работой нужно заслужить высшую честь умереть не в своей постели, а в вооружённой борьбе за освобождение народа. Кто не мечтал умереть на баррикадах посреди народа, в экстазе борьбы, вместо того чтобы умереть на убогом ложе, изъеденном микробами! Но эта смерть достанется лишь тому, кто сумеет быть *народом* в гуще *народа*. Без масс – нет баррикад! Без масс – нет вооружённой борьбы!

Вот почему анархисты, даже те из Чикаго, среди которых были герои, как наши братья, задушенные буржуазией, – не нашли случая начать борьбу; тогда как за последние годы почти не прошло ни одной забастовки, в которой забастовщики, никогда не проповедовавшие пропаганду действием, но совершавшие революционные действия, иногда более важные, чем всё, что обещают сделать на анархистских собраниях.

Анархисты не более и не менее мужественны, чем эти забастовщики. Возможно, более. Несомненно, они не хвастуны. Они умеют выносить Каледонские ссылки и всходить на эшафот за свои убеждения. Но одно отличает их от этих забастовщиков, и это было их слабостью. Те были *народом*. Их знали все. Они были товарищами среди товарищей. Они чувствовали поддержку. То, что они делали в день борьбы, было подготовлено задолго предварительной работой, которую они проделали, живя в этой среде.

Именно этого – а не мужества – до сих пор не хватало анархистам. И каждый раз, когда они жили этой народной жизнью, они умели брать на себя инициативу действий.

Это недавно показал пример наших товарищей из Вьенна. Не предав ни единым словом своих анархистских убеждений, они должны были жить народной жизнью в течение многих лет. И у них был случай совершить акт пропаганды действием, так часто обещаемый на собраниях и так редко осуществляемый, в то же время они сумели распространить идею на своём процессе больше, чем все наши газеты и брошюры.

Нам также кажется, что не вполне отдают себе отчёт в перемене, произошедшей за несколько лет.

Девять лет назад было полное затишье. Едва только начали произносить слово Анархия во Франции. Что касается бунта, то лозунгом было храпеть. В таких условиях нужно было любой ценой разбудить массы, заставить их задуматься, вдохнуть ветер бунта. Для этого достаточно было изолированного акта. Он заставлял задуматься.

Но сегодня массы пробуждаются, как всегда в преддверии больших движений.

Они хотят идти вперёд, и наша роль – помогать им идти и сделать те несколько шагов, которые отделяют их от Революции. А для этого нужно быть с народом, который больше не требует изолированного акта, а требует *людей действия в своих рядах*.

Но что можем мы сделать в рядах этого стачечного движения, иллюзий которого мы не разделяем? Можем ли мы вмешаться в него, не умаляя нашей программы?

Это мы сейчас и будем обсуждать.

Когда говорят в пивной, в маленьком кружке или на большом собрании о восьмичасовом рабочем дне, – будем всегда говорить то, что думаем, будем становиться многочисленнее, чтобы это сказать.

Восемь часов работы на хозяина – это восемь избыточных часов. Не только потому, что за эти восемь часов работник отдаёт четыре, чтобы обогатить эксплуататора и наточить оружие тому, кто держит его под ярмом; но и потому, что эти восемь часов употребляются на производство не того, что нужно обществу, а того, что лучше всего позволяет эксплуататору эксплуатировать ещё больше.

В крупных отраслях промышленности восьмичасовой день не представляет ничего чрезмерного. В крупных английских отраслях работают всего 2972 часа в год, 52–53 часа в неделю; и именно в тех отраслях, где работают всего 52 часа в неделю, предприниматели богатеют. Буржуа знают это так хорошо, что некоторые буржуазные экономисты уже обрабатывают общественное мнение в этом направлении. В буржуазной литературе постоянно ссылаются на труды Стемкова (Stemkof), который тщательно исследовал заработную плату в Европе и доказал, что в Америке, где заработная плата гораздо выше, машина из плоти и костей – рабочий – производит гораздо больше, чем где-либо в Англии, и что всё: хлопчатобумажные ткани, рельсы, эксплуатация железной дороги и так далее – обходится хозяину в Америке гораздо меньше, чем в Англии. «Высокая зарплата – дешёвый продукт» становится ходячим изречением в буржуазной литературе.

Таким образом, восьмичасовой день, оплачиваемый по заработной плате десяти часов, уже не пугает крупных английских промышленников. Они к нему привыкают. Они

лите⁶, что на монархическое золото сжигали замки или что клуб (конституционных в ту эпоху) якобинцев сделал 1793 год.

Что же до социалистов, которые хотели бы приписать себе это движение, – пусть только перечитают то, что мы писали *перед* 1 мая 1890 года. Движение стало для них неожиданностью и, скажем откровенно, неожиданностью неприятной. Оно спутало расчёты теоретиков. Они решили присоединиться к нему в последние две недели, когда увидели, что движение их обходит.

Вот факты. Что должны мы делать перед лицом этого движения? Какое участие можем мы в нём принять? После того как мы отстаивали *стихийные* движения народа, неужели мы отстранимся, потому что это движение совершается не под анархистским знаменем, что, впрочем, легко было предвидеть?

— «Но как можем мы присоединиться к движению, основанном на иллюзии восьмичасового рабочего дня?» – вот вопрос, который встаёт перед нами.

Нам кажется, что ответ на этот вопрос очень прост.

— Оставаясь всегда самими собой. Говоря всегда и повсюду, где представится случай, нашу мысль, *всю* нашу мысль, ничего не убавляя, ничего не сглаживая перед рабочими. Разрушая иллюзии, которыми легалисты хотят ослепить массы, повторяя всегда, что то, чего *захочет* и что *сделает* масса, – она получит не благодаря законам.

⁶ Из династии Орлеанов (ветвь Бурбонов), принявший революционную фамилию на фоне событий. Примкнул к якобинцам. Голосовал за казнь легитимного монарха.

II

La Révolte, год 4-й, №7, 24-31 октября 1890.

Мы утверждаем, что бы ни говорили, что с *рабочим* движением, которое происходит в данный момент в Европе и Соединённых Штатах, мы имеем дело с народным движением. Народным – потому что оно объединяет столь внушительное число мужчин и женщин, не имеющих между собой никакой видимой связи; великим – потому что оно *стихийно*, потому что оно не является делом чьих-либо рук, а есть результат всего, что было сделано и сказано за двадцать лет.

В настоящий момент оно охватывает более 2.500.000 мужчин и женщин только в Европе. Более 1.500.000 в Англии, около 500.000 в Германии, около 200.000 в Австрии (возможно, гораздо больше), столько же в Бельгии, столько же в Италии и Испании и, скажем, сотню тысяч человек во Франции. Впрочем, эти цифры ещё ниже действительности. И – мы уже говорили об этом ранее в статье «*Misère et paysans*»¹ («*Нищета и крестьяне*») – оно распространяется прежде всего на шахтёров и наименее оплачиваемые ремёсла, особенно на тех, кто оставался вне всякой социалистической пропаганды.

Англичане могут объяснять это движение интригами консерваторов, тогда как другие будут объяснять его агита-

¹ Беглый поиск не дал результатов в каком номере газеты эта статья находится.

цией ирландцев, что исключает одно другое, а марксисты, скромность которых известна, могут написать в континентальной прессе, что это они, те самые полдюжины, создали это движение. Бельгийцы могут усмотреть в нём немецкие или правительственные интриги; немцы могут приписывать его придворным кругам, а французы могут пытаться объяснить его орлеано-буланжистской² интригой или, что было бы ещё смешнее, приписать его пяти-шести известным гедистам³.

И все эти объяснения будут смехотворны, ибо оставят необъяснённым самое поразительное: связность движения в Англии, Бельгии, Германии, Франции, Австрии, Италии и Испании; его анонимный характер; разнообразие элементов, которые спешат оказать ему поддержку; поспешность политических партий, стремящихся его захватить после того, как они годами тщетно пытались помешать его зарождению.

Это народное движение. И его исток, повторяем, – в потоке идей, возникших за двадцать лет. В Англии, как мы видели, оно возвещало о себе, и мы предсказывали его ещё в 1882 году, когда во всей стране не было и сотни сознательных социалистов. Его чувствовали в воздухе, едва приезжая в угольные края: оно уже тогда бродило.

Это известный подъём – тот, что произошёл в 1869 году и нашёл своё выражение в Интернационале, отцовство которого каждый позднее присваивал себе.

² Движение за реванш и возврат Эльзаса. Названа в честь генерала Буланже. Орлеанизм – движение за восстановление монархии Орлеанов, более легитимной (то есть близкой прежним Бурбонам), чем Бонапарты.

³ Гедизм – французское название для ортодоксального марксизма.

Если бы хотели искать его исток в каком-то одном факте, следовало бы скорее восходить к забастовке в Питтсбурге и к 1 мая 1886 года в Чикаго. И даже тогда это было бы лишь привязыванием *исторического* движения к единичному факту, который был лишь его первым выражением.

Что особенно следует отметить, так это то, что если хотят искать в этом движении интриги консерваторов в английском движении, немецкие или даже правительственные происки в бельгийском движении, буланжистские происки во Франции и так далее – то найдут там всё это и многое другое вдобавок.

Все реакции, но также и все революционные партии стремились извлечь выгоду из этого движения. Там найдут реакционное золото, если угодно; но там найдут также масонские ложи шахтёров, неугомонную энергию «Рыцарей труда»⁴ – людей, а не их вожаков, лихорадочную активность ирландцев, республиканские мечты Дефюиссо⁵ всякой национальности, благотворительный сентиментализм тысяч организаторш женских союзов, социал-демократическую пропаганду, пламенные речи революционеров, действие, кровь анархистов.

Всё способствовало этому движению. Но объяснять его одной причиной было бы так же абсурдно, как говорить, что французскую революцию сделали деньги Филиппа Эга-

⁴ Американский профсоюз, принимавший всех. Идеологии не имел, хотя иногда предпочитал арбитраж вместо забастовки.

⁵ Альфред Дефюиссо – бельгийский адвокат, написавший «Катехизис народа», который в 1886 году разошелся на 200.000 экземпляров. Имеется ввиду, что социалистических агитаторов и активистов среди участников движение полно.